

достоверность описания события и связь с современными ему письменными данными под сомнением. К тому же Чудеса дошли до нас только в переводах – древнерусском и армянском.

Описываемые события могут быть датированы по упоминанию в русской версии архиепископа Филарета, преемника св. Стефана. Единственное синхронное известие о последнем относится к 787 г. и содержится в актах VII Вселенского Собора. Крымский «архиерей» Филарет упоминается в письме Феодора Студита «к архимандриту готскому», датирующемся между 821 и 826 гг. (Письмо 486²). Таким образом, нападение «злого и неверного народа» может быть отнесено к широкому диапазону – от 790-х (или даже конца 780-х) до 820-х гг. (или даже немногим позже)³.

² *Феодор Студит*. Творения. Т. III. М., 2012. С. 573. Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 217–219).

³ Предположение о том, что св. Стефан умер в 760-х гг., а в соборных актах имеется в виду некий Стефан II (порождающее дополнительные предположения относительно датировки Жития св. Стефана), покоится на серии допущений. Базовыми среди них являются: 1) уверенность в том, что Житие составлено в иконоборческую эпоху, поскольку в армянской версии (и только в ней) иконоборческий император Константин V восхваляется за «благочестие»; 2) уверенность в том, что восстановление иконопочитания на Соборе непременно отразилось бы в Житии (Житие Стефана Сурожского. С. 85–86). Однако в случае более позднего составления Жития на основе легенд и даже отдельных письменных источников, главным содержанием которых было именно исповедничество Стефана, последняя уверенность сразу же исчезает. Что же касается первой, то в русской версии никакой симпатии к Константину V не заметно, он назван своим позорящим прозвищем Копроним (явно из греческого оригинала). Прощение им святого (наказанного предшествующим императором Львом III как раз за иконопочитание, – нечего и

предводительством некоего Бравлина, или Про-лиса. Он опустошает побережье от Херсонеса до «Керчи» (Боспора), – либо в обратном порядке, если следовать армянской версии. После разорения этих городов язычники подступают к Сугдее и захватывают ее тоже. После победы Бравлин / Пролис вторгся в храм, где был погребен св. Стефан, и вместе со своими приближенными подверг место разграблению. Однако в момент дележа добычи вождя язычников сразил припадок, он скорчился и упал, не в силах двигаться. Только когда язычники вернули всё награбленное, их предводитель смог прийти в себя. Устрашенный грозным чудом, он принял крещение. Слава об этом событии впоследствии отвращала от Сугдеи других врагов.

говорить, что никакой мягкости к иконоборчеству и иконоборческим императорам в Житии нет) объясняется исключительно влиянием жены. В краткой греческой версии Жития Константина вообще не упоминается, а только его жена Ирина. Армянский переводчик просто литературно переосмыслил факт освобождения святого, восприняв последнее как свидетельство «благочестия» Константина, в отличие от нечестивого предшественника. Исследователи, придерживающиеся иной точки зрения, удивительным образом игнорируют (хотя упоминают) тот факт, что Константин V в армянской версии назван «сыном Коприна». Так переводчик переименовал (конечно, сознательно, поскольку уже считал Константина благочестивым) «Копроним» греческого оригинала. Одно из двух: следует или признать, что в оригинале речь шла о «благочестии» императора, тут же обзываемого «Калопронимом», или признать, что «благочестие» – лишь домысел армянского переводчика, в одном ряду с «сыном Коприна». Это характерный пример переоценки значения армянской версии Жития, в определенной степени извинительной в первые годы после обнаружения действительно уникально важного источника. В настоящее время, как представляется, от эйфорического следует переходить к критическому анализу памятника.

Таково общее содержание обеих версий Чудес. Только в древнерусской версии сообщается о том, что Бравлин пришел из «Великого Новгорода Русского».

Для того, чтобы оценить достоверность этих сведений, необходимо сопоставить обе версии между собой⁴.

Когда по смерти святого минуло мало лет, пришла рать Великого Новгорода Рускаго⁵ и князь Бравлин, и силой он полонил от Корсуны до Корча.

И пришел с многочисленными силами к Сурожу. Бились они зло между собой и после десяти дней пришел силою, и выломил железные ворота, и вошел в город, и, взяв свой меч, вошел в Святую Софию, разбив двери, и вошел в то место, где был гроб святого. А на гробе – царское одеяние, жемчуг и золото, и драгоценные камни, много золотых паникадил – и разграбил все.

И тотчас же разболелся, и обратилось его лицо назад, и он пал, источая пену, и вскрикнул: «Здесь есть великий человек. Он ударил меня по лицу, и мое лицо обратилось назад!» И сказал он своим боярам: «Возвратите назад то, что взяли».

И тотчас же они возвратили. И хотели князя поднять, но он воскликнул: «Не трогайте меня, пусть лежу! Один святой старый муж хочет изломать меня; он притиснул меня, и моя душа хочет выйти по принуждению». И рек: «Быстро выгоните рать из города, и да не возьмут они ничегошеньки!» И отпустили рать из города, а он еще не встал, – до тех пор, пока снова не рек князь боярам: «И сколько взяли церковных сосудов в Корсуне и в Керчи, принесите всё сюда и положите на гробе». И положили они их и ничего не оставили, но все возвратили и положили это на гроб Стефана. И снова ужасоюще⁶ рек святой: «Если не крестишься в моей церкви, то не выйдешь отсюда». И воскликнул князь: «Пусть придут попы и крестят меня! Если я встану и лицо мое обратится вспять, то приму крещение».

Спустя времена некий Пролис, из злого и неверного народа, пришедши с войском, разрушил Керчь и страну его, и отправился оттуда в Шрсон и разрушил тот, и взял в плен мужчин и женщин, и детей, и других мечу предал.

Оттуда пришел с войском в Сухта и как поступал в других гаварах, так поступал и в этом гаваре, ибо кровь безвинных смешал с землей; взявши город Сухта, и вошедши в церковь святого Степанноса, похитил все сосуды церкви, золотую и серебряную утварь и почтенные облачения.

И когда взял, чтобы раздать войску своему, тогда отнялись руки, и лицо окаменело, и не мог двигаться, а трясся всем телом, и страшно стало всему войску.

И вернувшись, положили всю утварь церкви на свое место.

⁴ Для удобства сравнения обе версии приводятся в переводе на современный русский язык по последнему изданию: Житие Стефана Сурожского. Симферополь, 2009. Наше редактирование коснулось в основном перевода древнерусской версии, которую в большинстве случаев приводим по древнейшему списку XIV–XV вв.

(без ряда необязательных деталей, которые могут быть дополнениями писца), уточняя и варианты перевода. Исправляются по чтением списков XVI–XVII вв., входящим к общему протографу, только явные ошибки. В целях наглядности оба перевода разбиты на секции, соответствующие друг другу.

И пришел архиепископ Филарет, и иереи с ним, и сотворил молитву, и крестили его во имя Отца и Сына и Святого Духа. И обратилось его лицо снова. Крестились же и все бояре, но еще шея его болела. Попы же сказали ему: «Дай обет Богу, что повелишь возратить назад мужей и жен или детей, которых ты взял пленниками от Корсуня до Корчя». И повелел своим возратить всех, отпустил каждого из них идти домой, и, уходя восвояси, благодарили Бога и угодника его, и они пошли обратно домой, хваля Господа и его угодника. В течение недели он не выходил из церкви, пока не ушел, дав святому великий дар и почтив его город и попов, и люд.

Услышав об этом, другие воители и не смели нападать на нас. А если кто шел войной, уходил посрамленным⁷.

И после исправилось лицо и все тело. И уверовал в Бога и получил крещение во имя Святой Троицы.

И пошла слава чудес по всему миру, и впредь никто не дерзал завладевать утварью церкви святого архипастыря Степанноса⁸.

Таким образом, армянская версия является сокращенной. Причем источником сокращения являлся тот же текст, который отражен в русской версии. Единственное место, где армянская версия подробнее русской, – описание разорений Проли-са-Бравлина в Крыму. В армянской версии выпущено историческое название главного сурожского храма (Святой Софии; оно заменено ошибочным определением ее как «церкви св. Стефана»). Опущены и имя преемника св. Стефана, епископа Филарета, и весь диалог между сурожским духовенством, Бравлином и его боярами. Между тем,

⁵ Этому чтению отдано предпочтение при переводе в издании 2009 г. (С. 51), хотя в раннем списке стоит: «рать великая русская из Новгорода». Замена в переводе не мотивирована, но можно догадаться, что она связана с имеющимся в старейшем списке заголовком с упоминанием «Великого Новаграда». Эту логику можно принять, тем более что «Новгород Русский» – совершенно нехарактерное для русской книжности сочетание, с вероятным иноязычным прототипом.

этот диалог несомненно восходит к греческому источнику, поскольку имеет ясную, иногда почти буквальную, параллель в Житии Георгия Амастридского⁹.

Соотношение Жития Георгия и Чудес Стефана, – вопрос весьма существенный. В повторении чуда для христианской житийной литературы нет ничего невозможного, – но в воспроизводстве уникальных деталей из более раннего произведения в более позднем трудно не увидеть влияние. Между тем, факт заимствования подводит к мысли, что в источнике Чудес Стефана (устном или письменном) речь шла о том же против-

⁶ В переводе из издания 2009 г. словосочетание «в ужасе» ошибочно отнесено к боярам.

⁷ См.: Житие Стефана Сурожского. С. 31–32, 51–52

⁸ Там же: С. 60, 65–66.

⁹ См.: Труды П.Г. Васильевского. Т. III. Русско-византийские исследования: Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Пг., 1915. С. 64–68.

нике, что и в Житии Георгия. Сходство обстоятельств вкупе с упоминанием руси подтолкнуло сурожского автора почерпнуть из Жития Георгия ряд деталей. Может быть, он сделал это даже в уверенности, что амастридцы «перенесли» чудо в свой город и к «своему» святому. Как бы то ни было, факт заимствования укрепляет уверенность в том, что в Чудесах Стефана из-начально присутствовало упоминание руси. Древнерусская версия, в отличие от армянской, сохранила его вместе с другими подробностями.

Сложнее обстоит дело с упоминанием «Великого Новгорода Русского». Название города могло быть внесено в русский перевод XIV–XV вв. из тех соображений, что до Рюрика «русской» рати больше неоткуда было прийти. Однако с середины X в. мы имеем несколько упоминаний Новгорода в византийских источниках. Город был хорошо известен в империи, и тем более в Крыму. Форма «Новгород Русский» (в отличие от «Великий Новгород») совершенно нехарактерна для древнерусской литературы. Если первоначальная форма построения фразы именно такова, то этот оборот в ней принадлежит не русскому переводчику. Более того, для него после «Великого» и не было нужды в таком уточнении. Итак, есть достаточно оснований полагать, что и «Новгород Русский» присутствовал в первоначальном греческом тексте Чудес¹⁰.

¹⁰ Строго говоря, «Великий Новгород» к концу XIII в. уже был известен греческой книжности (он упоминается в официальных списках русских епархий), так что мог присутствовать и в греческом оригинале этого времени. Непосредственно форма «Новгород Русский» или «Новгород России» в греческих источниках отсутствует. Но такие уточнения периодически отмечены в отношении других русских городов, в конкретном же контексте Чудес это выглядит логично.

Вместе с тем, упоминание Новгорода, если оно присутствовало в оригинале, тем более ставит естественный вопрос об источниках и достоверности сообщения Чудес. Соотнесение родины Бравлина с Новгородом, не существовавшим в начале IX в., мог произвести только выходец с Руси X в. или позднейшего времени, либо человек, хорошо знающий историю и географию Руси. Таким образом, мы здесь по меньшей мере частично в области преданий о некоем событии, известном и в ви-зантийском Крыму конца X – начала XI в., и на Руси. В самом изложении сюжета при желании можно увидеть ряд славянских черт. Описываемое князем «боярам» напоминает поведение враждебных духов-душителей в славянских поверьях, – что в глазах славянского рассказчика дополнительно объясняло их страх. В условиях тесных контактов Руси с византийским Крымом появление «комбинированной версии» о тех же событиях, соединяющей местное церковное предание и русскую традицию, едва ли удивительно. То, что создатель Жития св. Стефана использовал устные или как минимум отчасти легендарные источники, явствует из самого текста памятника. Попытки выделить в нем следы ранних редакций приводят к вычленению (в том числе из контекста) отдельных фраз и оборотов¹¹. Все же реально существующие версии относятся ко времени не ранее конца X в. Все они, включая греческую, содержат фактические ошибки (правда, не всегда общие), невозможные для автора второй половины VIII в.

¹¹ Описанная выше ситуация с Константином Копронимом – показательный пример (и почти единственный сколько-нибудь обоснованный аргумент в пользу раннего происхождения памятника).

В то же время допускать, что никаких письменных источников о значительных событиях местной истории в Сугдее X в. не было или что они были недоступны для автора жития наиболее почитаемого местного святого, маловероятно. Скорее всего, памятник построен на соединении письменной и устной традиции, а следовательно, основная канва событий может восходить к синхронному или близкому по времени источнику. С другой стороны, обилие исторических деталей, восходящих к реалиям VIII в., побуждает считать традицию, отраженную памятником, в любом случае достоверной в основе.

Итак, с известной долей осторожности можно заключить, что византийский Крым действительно подвергся в конце VIII или начале IX в. нападению неведомого прежде языческого народа под названием русь. Нападение, однако, завершилось примирением после взятия Сугдеи, и вождь напавших Бравлин принял там крещение. О том, откуда пришли нападавшие, на тот момент было с точностью не известно, но позднее предание связало Бравлина с «Новгородом» или с будущей (на момент его нападения) Новгородской землей.

Насколько возможно подтвердить или опровергнуть приход Бравлина с севера через всю Восточную Европу, исходя пока лишь из данных письменных источников и языка? Происхождение имени «Бравлин» туманно и стало еще менее ясно с обнаружением армянского варианта «Пролис». Очевидно, в греческом оригинале стояло нечто вроде Βραυλις или Πραυλις, и убедительных толкований этому нет¹². С другой стороны, помещение родины Бравлина на севере как нельзя лучше согласуется с наиболее рас-

пространенными представлениями о происхождении руси и ее этнонима. Не буду вдаваться в статью в этот избыточно «наболевший» для многих коллег и многократно рассмотренный (в том числе и мною) вопрос. Но отмечу, что почти все лингвистически корректные (включая и наиболее признанную, хотя не единственную, финно-скандинавскую) этимологии названия ведут на север. Русь VIII в. с наибольшей вероятностью следует искать на территории от зоны славяно-финно-скандинавских контактов в Приладожье до Южного Приильменя со «Старой» Русой. В этом случае первый появившийся на Черном море вождь руси должен был изначально прийти с севера¹³.

¹² Принятая мною ранее и широко распространенная «славяно-скандинавская» этимология от топонима Bravalla, хорошо «подходящая» под представление о первоначальной полиэтнической руси, теперь должна быть как минимум на время отложена. Кажется, армянский вариант несколько укрепляет весомость «индоарийской» этимологии: – *Pravlina «раздавленный» (см.: Трубочев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 263). Связанные с этим исторические интерпретации (Там же. С. 257, 267) сомнительны, но такое прозвище персонаж мог получить в местных преданиях, если «индоарийский» (таврский?) компонент в туземном населении Крыма тогда еще действительно присутствовал. Другие интерпретации еще менее вероятны; некоторые явно производят впечатление «лингвистики в вакууме», оторванной от контекста источника.

¹³ Альтернативная трактовка О. Н. Трубочева (Трубочев О. Н. Indoarica. С. 122–125, 257, 266–267) связывала название руси с «индоарийским» ареалом Северо-Восточного Причерноморья. Бравлина О. Н. Трубочев считал туземным правителем «Белого Новгорода» в Крыму. В этом случае «русь Бравлина» не имеет никакого отношения к восточнославянскому ареалу. Но исторических данных об какой-либо местной «руси» в Крыму VIII–IX вв. не существует, тогда как о руси на пространстве между Балтикой и Средним Днепром их уже для IX в. немало.

Есть и еще одно, косвенное соображение. До конца VIII в. об активности восточных славян на Черном море ничего не было известно. Южные восточнославянские племена, судя по всему, были не знакомы с мореплаванием. Большая экспедиция, подобная предпринятой Бравлином, требовала предшествующего опыта морских плаваний и войн. На Черном море ни у кого, кроме ромеев, такого опыта на тот момент не было. Но им обладали или уже осваивали практически все народы, жившие по берегам Балтики. И именно с похода Бравлина начинаются как войны руси на Черном море, так и мирное взаимодействие, связавшее север и юг Восточной Европы. Итак, некоторые основания выводить Бравлина с севера, из будущей Новгородской земли, действительно есть.

Интересен вопрос о международно-политическом контексте похода Бравлина. Прежде всего, следует осознать, против кого именно он был направлен. В Крыму были представлены две державы того времени – Византийская империя и Хазарский каганат. По поводу соотношения их влияния в VIII в. нет единого мнения, ввиду недостатка источников. Однако имеющиеся – в том числе Житие Стефана – однозначно, как думается, указывают на византийский суверенитет над Херсонесом и Сугдеей. Напротив, о распространении власти каганата в VIII в. на городские центры, кроме Боспора-Керчи (упоминаемой как раз в Житии в качестве резиденции хазарского «царя»), четких сведений нет¹⁴. В армянской версии Жития, правда, говорится, что хазарин(?)-христианин Георгий являлся подчиненным «керченскому» царю князем (тарханом) Сугдеи¹⁵. Но в контексте све-

дений о подчинении Константинополю в том же памятнике ранее речь может идти самое большее о какой-то форме «кондоминиума». В русской версии тархан Георгий – просто «князь», без упоминаний о правлении именно в Сугдее, но и всё это место сильно сокращено. В греческом тексте о нем вовсе нет упоминаний.

Между Византией и Хазарией с начала VIII в. существовали союзные отношения, направленные в первую очередь против Арабского халифата. Союз действовал и при Льве III (717–741), и при Константине V (741–775), женатом на дочери кагана, и при Льве IV Хазаре (775–780). Это позволяло Хазарии без существенных проблем контролировать горный Крым с его православным населением и влиять на города побережья. Поскольку христиане и Готии, и Сугдеи поддерживали иконопочитание, для каганата безразличное, постольку зависимость от хазар служила им прикрытием от иконоборческой византийской власти. Это очевидно из судеб крымских епископов-иконопочитателей – Стефана Сурожского (спасенного в Константинополе Ириной Хазареной) и Иоанна Готского. Однако после восстановления иконопочитания (и окончательного утверждения

¹⁴ Крайне преувеличенные данные о влиянии каганата в различных областях Восточной Европы, в том числе и в Крыму, из пространной версии письма хазарского царя Иосифа относятся уже к X в. Реальность приводимых здесь сведений о даннической зависимости не только Боспора (Крц) и поселений Горного Крыма, но и Сугдеи (Суграй) (см.: *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 102), для времени написания письма маловероятна. Отражает ли это какую-то устойчивую реальность прошлого или же просто размер претензий Иосифа, не имеется оснований заключить.

¹⁵ Житие Стефана Сурожского. С. 64.

в Хазарии иудаизма) ситуация быстро изменилась. В год VII Вселенского собора, 787-й, в Готии поднимается восстание против хазар во главе с приближенным теперь к византийскому двору Иоанном Готским. После его подавления глава восставших находит убежище в Византии, в Амастриде, куда бежал из хазарской тюрьмы. Империя не оказала прямой помощи восставшим, но ее интересы и симпатии были очевидны. Хазаро-византийские отношения в Крыму перешли от партнерства к соперничеству, при сохранении формального союза. Поход Бравлина был направлен в первую очередь или исключительно против греческих городов, включая саму столицу им-перских владений – Херсонес.

Насколько выпадает из этого ряда нападение на Боспор (с его столь же греческим населением), принадлежность которого в тот момент неочевидна, мы сказать не можем. Согласно Житию прп. Феодора Студита, в середине 790-х гг. Боспором правил «топарх»¹⁶. Обычно этим термином обозначались полунезависимые правители территорий, находившихся или мыслившихся под суверенитетом империи.

Таким образом, можно предположить, что из двух государств, имевших влияние в Крыму, Бравлин изначально действовал, – по меньшей мере объективно, – в интересах Хазарии. Его крещение и мир с ромеями изменили положение дел, но и интересы хазар пострадали незначительно. Позиции Византии на полуострове были ослаблены разгромом важнейших городов, а Хазария никакого ущерба не

понесла. Для самой же руси после этого сложилась возможность для развития взаимовыгодных, – в первую очередь, торговых, – связей с обеими сторонами. Справедливо заключить, что разведка возможности выхода не столько с военными, сколько с торговыми целями к южным морям являлась главной целью предприятия Бравлина.

В этом контексте интерес представляет проблема его маршрута, во всяком случае на завершающем этапе. В качестве связывающих север и юг Восточной Европы артерий могли выступать и Днепр, и Дон. Здесь, однако, мы оказываемся в плену расхождения версий нашего источника. Если Бравлин начал разор от Херсонеса (как в русской версии), то он плыл от Днепровского устья, как и позднейшие русские князья. Но если он сначала напал на Боспор (как в более пространной в этом месте армянской версии), то с большей вероятностью спустился по Дону в Азовское море. В рамках одних Чудес св. Стефана эта дилемма неразрешима. Однако важно отметить, что в обоих случаях представляющий новую для региона силу Бравлин не смог бы миновать степной отрезок пути без договоренности с Хазарским каганатом или зависимыми от него кочевниками.

О долгосрочных последствиях похода Бравлина нельзя говорить с уверенностью. Его крещение могло стать примером для тех его соплеменников, кто готов был развивать мирные отношения с ромеями. Как минимум с середины IX в. русины-христиане фигурируют в источниках не раз. Но в Житии Георгия Амастридского, описывающем события второй половины 820-х или скорее 830-х гг., русь –

¹⁶ *Феодор Студит*. Творения. Т. I. М., 2010. С. 180 (ср.: Там же. С. 122)

язычники и враги империи, вновь нуждающиеся во вразумлении и обращении. Первые крещения отдельных предводителей не приводили к глубоким изменениям в мировоззрении их сородичей. Невозможность же государственного принятия христианства определялась отсутствием государственной власти как таковой. Начать следует с того, что даже статус Бравлина нам точно не известен: окруженный «боярами» «князь» он только в русской версии. При всей значимости и сим-воличности того, что первый предводитель руси, нам известный, оказался и первым русином-христианином, «прагматическое» значение описанного события не стоит и переоценивать.

С другой стороны, именно с похода Бравлина начинается период как военно-дипломатической активности руси на Черном море, так и становления торговых путей, связавших Прибалтику с Причерноморьем и Приазовьем. Первый намек на их существование мы находим в труде восточного географа ал-Хваризми (между 813–833). Он говорит о «двух реках», выходящих из «ал-Батихи» (Азовское море) и якобы впадающих в море на севере (Балтийское)¹⁷.

Данный отрывок не имеет параллелей в источнике ал-Хваризми, сочинении Птолемея, и добавлен им самим, причем без попытки соотнести «две реки» с известными из источника. В основе добавления лежат представления ал-Хваризми о том, что в его время сообщение между Балтикой и Черноморским бассейном осуществляется по двум речным маршрутам¹⁸.

¹⁷ Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского Халифата. М., 1988. С. 53.

¹⁸ Ср.: Там же. С. 104.

Таким образом, «две реки» легко отождествляются с Днестром и Доном. Само же известие оказывается самым ранним свидетельством сложившейся не позднее 830-х гг. новой системы торговых связей между Северной Европой и Причерноморьем. Симптоматично, что хронологические рамки написания труда ал-Хваризми – немногим более поздние, чем хронологический диапазон крымского похода Бравлина.

Имеются отдельные археологические свидетельства в пользу установления таких контактов около рубежа VIII–IX вв. В частности, так трактуется Петергофский клад куфических монет, сокрытый после 804/5 г. Это самый ранний датированный памятник IX в. в лесной зоне Восточной Европы, и весьма символический, поскольку представляет как бы всю систему восточноевропейской торговли того времени. На монетах клада имеются надписи-граффити – скандинавские (в большинстве), арабские, тюркские рунические. Греческий владельческий автограф «Захариас» на одном из дирхемов подсказывает, что монеты африканской чеканки, преобладавшие в кладе, хотя бы в какой-то части прошли через Византию или приграничные с ней области¹⁹. Это подтверждает начавшиеся торговые контакты как минимум по донскому пути, отражающиеся и в расположении южных кладов (с отдельными руническими граф-

¹⁹ См.: Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах из Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1982. М., 1984; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. 424–432; Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М.- Вологда, 2012. С. 399

фити²⁰) начала IX в. На установившиеся «по край-ней мере с конца VIII в.» активные контакты Скандинавии с Византией указывают и историки ювелирного дела²¹.

Следует здесь упомянуть и о том, что в начале IX в. должен был поселиться в Византии человек со скандинавским именем Ингер, будущий митрополит Никейский, – видимо, один из первых переселившихся в Империю выходцев из Северной Европы²². Время рождения Ингера датируется, исходя из сообщения о его дальнейшей карьере церковного иерарха, не позднее 796 г. Креститься он должен был, видимо, не позднее 810-х гг., будь то до или после поселения в Византии. Последнее так же стоит датировать не позднее конца 810-х гг. (исходя из данных о младшем Ингере). Ингер упоминается между 821–826 гг. как митрополит Никейский. Возможно, он получил сан благодаря приобретенному свойству с чиновным родом Мартинаки, о чем ниже. Ингера через посланца обличал за иконоборчество, предсказывая смерть, св. Иоанникий Великий. «А тот ненадолго склонился к по-каянию, но, снова увлеченный славой текучей и растлевающей жизни, забыл о сказанном. Затем же, через пятнадцать дней, когда он сидел на престоле, вообще ничего не сказав и не распорядившись своими делами, он испустил дух».

²⁰ См.: Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М., 2001. С. 120

²¹ Жилина Н. В., Макарова Т. И. Древнерусский драгоценный убор – сплав влияний и традиций IX–XIII вв. М., 2008: 130.

²² Значение этого факта отмечалось в историографии (см.: Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. М., 2003. С. 5–6).

Святой оплакал его участь²³.

Был и младший Ингер – вероятно, родной или внучатый племянник старшего (учитывая уникальность имени). Согласно Скилице, этот Ингер – «отпрыск рода Мартинаки» (Io. Scyl. Syn. VI.11).²⁴ Впрочем, это может быть и домысел на основе известия источника Скилицы, Продолжателя Феофана, об опале Мартинаки при Феофиле из-за пророчества, сулившего потомкам Мартинаки власть. Ингер упоминается в жизнеописании Василия I, написанном Константином Багрянородным, как «всем известный и прославленный за свое благородство и ум», отец «благороднорожденной» Евдокии (Theoph. Cont. V.16²⁵). Евдокия родилась в конце 830-х гг., стала в ранней юности любовницей Михаила III, позднее – женой Василия I и родоначальницей Македонской династии.

Эти сведения, помимо прочего, дают основания подозревать, что происхождение первого исторического предка «Рюриковичей» – князя Игоря – может быть связано с русью конца VIII – начала IX в., условно – «русью Бравлина». Во всяком случае, носитель того же самого скандинавского имени прибыл в Империю через Восточную Европу или из нее уже в этот период²⁶. Как бы то ни было, его переселение надежно отмечает установление прямых связей между Империей и европейским Севером. Таким образом, есть основания полагать, что Бравлин, достиг-

²³ Жития византийских святых эпохи иконоборчества / под ред. Т.А. Сениной. Т. 1. СПб., 2015. С. 547-548.

²⁴ Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / ed. by H. Thurn. Berlin - New York, 1973. p. 127-128.

²⁵ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992. С. 101.

нув Крыма, стал в прямом смысле перво-проходцем новых торговых артерий, вокруг которых в дальнейшем и развиваются судьбы руси.

Библиография

Источники:

Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени / Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К. Симферополь, 2009.

Жития византийских святых эпохи иконоборчества / под ред. Т.А. Сениной. Т. 1. СПб., 2015.

Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского Халифата. М., 1988.

Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М., 2001.

Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах из Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1982. М., 1984.

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / изд. подг. Я. Н. Любарский. СПб., 1992.

Труды В. Г. Васильевского. Т. III. Русско-византийские исследования: Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Пг., 1915.

Феодор Студит. Творения. Т. I. Нравственно-аскетические творения. М., 2010.

Феодор Студит. Творения. Т. III. Письма. Творения гимнографические. Эпиграммы. Слова. М., 2012.

Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / ed. by H. Thurn. Berlin - New York, 1973.

Литература:

Жилина Н. В., Макарова Т. И. Древнерусский драгоценный узор – сплав влияний и традиций IX–XIII вв.: Художественные стили и ремесленные школы. М., 2008.

Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. М., 2003.

Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

Русь в IX–X вв.: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда, 2012.

Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999.

²⁶ Возможно, это кто-то из крестившихся с Бравлином соратников, если не он сам (при условии, что «Бравлин» – не собственное имя, а прозвище)? Вполне можно представить переселение крестившегося вождя на земли империи и его дальнейшую духовную карьеру. Но тут мы вступаем в область чистых догадок.

Сведения об авторе

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», г. Москва (Россия). Область научных интересов: история Восточной Европы в древности и раннем Средневековье, источниковедение, история культуры, история религии.

E-mail: ipo1972@mail.ru.

S. V. Alexeev

“THE MIRACLES OF ST. STEPHAN OF SUROZH” AND THE EARLY HISTORY OF RUS’

Annotation: The article is devoted to the problem of the reliability and historical context of the information about the campaign of “Prince Bravlin” against the Greek cities of the Crimea in the late VIII – early IX centuries, contained in The Miracles of St. Stephen of Sugdeya. Analysis of the content of the Old Russian and Armenian versions of the record in comparison with other sources leads the author to the conclusion that the general outline of the events described is reliable. It is shown that, despite the recent skepticism, it is possible to use Miracles as a source about the early history of Rus’.

Keywords: source study, Miracles of St. Stephen of Sugdeya, Bravlin, Rus’, Byzantium, Khazar Khaganate, Crimea.

References

Sources:

Zhitie Stefana Surozhskogo v kontekste istorii Kryma ikonoborcheskogo vremeni [The Life of Stefan of Sugdeya in the context of the history of the Crimea of the iconoclastic time] / Mogarichev Y. M., Sazanov A. V., Stepanova E. V., Shaposhnikov A. K. Simferopol', 2009. (In Russian).

Zhitiya vizantijskih svyatyh epohi ikonoborchestva [Lives of the Byzantine Saints of the era of iconoclasm] / ed. by T. A. Senina. Vol. 1. St. Petersburg, 2015. (In Russian).

Kalinina T. M. Svedeniya rannih uchenykh Arabskogo Halifata [Information from the early scholars on the Arab Caliphate]. Moscow, 1988. (In Russian).

Kokovtsov P. K. Evrejsko-khazarskaya perepiska v X v. [Jewish-Khazar correspondence in the X century] Leningrad, 1932. (In Russian).

Mel'nikova E. A. Skandinavskie runicheskie nadpisi [Scandinavian runic inscriptions]. Moscow, 2001. (In Russian).

Mel'nikova E. A., Nikitin A. B., Fomin A. V. Graffiti na kuficheskikh monetah iz Pe-tergofskogo klada nachala IX v. // Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. 1982. Moscow, 1984.. (In Russian).

Prodolzhatel' Feofana. Zhizneopisaniya vizantijskih tsarej [Theophanes Continuatus. Biographies of the Byzantine Emperors] / ed. Y. N. Lyubarskij. St. Petersburg, 1992. (In Russian).

Trudy V. G. Vasil'evskogo. Vol. III. Russko-vizantijskie issledovaniya: Zhitiya sv. Georgiya Amastridskogo i Stefana Surozhskogo [The works of V. G. Vasilievsky. Russian-Byzantine Studies: Vitae of St. Georgy of Amastrida and St. Stefan of Sugdeya]. Petrograd, 1915. (In Russian).

Feodor Studit. Tvoreniya [Works]. Vol. I. Nравstvenno-asketicheskie tvoreniya. Moscow, 2010. (In Russian).

Feodor Studit. Tvoreniya [Works]. Vol. III. Pis'ma. Tvoreniya gimnograficheskie. Epigrammy. Slova. Moscow, 2012. (In Russian).

Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / ed. by H. Thurn. Berlin - New York, 1973.

Researches:

Zhilina N. V., Makarova T. I. Drevnerusskij dragotsennyj ubor – splav vliyanij i traditsij IX–XIII vv.: Hudozhestvennyye stili i remeslennyye shkoly [Old Russian jewelry – a fusion of influences and traditions of the IX – XIII centuries: Artistic styles and craft schools]. Moscow, 2008. (In Russian).

Kuzenkov P. V. Pokhod 860 g. na Konstantinopol' i pervoe kreshchenie Rusi v srednevekovyh pis'mennyh istochnikah [The campaign of 860 against Constantinople and the first baptism of Rus' in the Middle Ages written sources.] // *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy*. 2000. Moscow, 2003. (In Russian).

Lebedev G. S. Epokha vikingov v Severnoj Evrope i na Rusi [The era of the Vi-kings in Northern Europe and Russia]. St. Petersburg, 2005. (In Russian).

Rus' v IX–X vv.: arkhologicheskaya panorama [Russia in the IX–X centuries: archaeological panorama] / Ed. by N. A. Makarov. Moscow-Vologda, 2012. (In Russian).

Trubachev O. N. Indoarica v Severnom Prichernomor'e [Indoarica in the Northern Black Sea region]. Moscow, 1999. (In Russian).

About the author

Alekseev Sergey V., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society “Radetel”, Moscow (Russia).

E-mail: ipo1972@mail.ru